
УДК 821.112.2, 398.2 (3) (4)

СОКОЛОВА Е.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ГРИММ Я. ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ : в 3 т. / пер., коммент. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – Т. 1. – 928 с. ; Т. 2. – 976 с. ; Т. 3. – 776 с. – (Studia philologica). DOI: 10.31249/lit/2021.01.03

Аннотация. Рецензируется русское издание «Германской мифологии» – фундаментального труда выдающегося немецкого филолога и этнографа Якоба Гримма (1785–1863), где с энциклопедической полнотой представлены языческие верования германских племен и народов, показана их глубокая укорененность в языке. Книга, повлиявшая на несколько поколений ученых, была трижды (в разных вариантах) издана в Германии при жизни автора (1835, 1844, 1854), в наиболее полной редакции – вскоре после его смерти (1875–1878), а в 2018 г. впервые переведена на русский язык Д.С. Колчигиным и увидела свет в трехтомном академическом издании, снабженном обширным комментарием и справочным аппаратом.

Ключевые слова: мифология; германская мифология; скандинавская мифология; история германской филологии; фольклористика; братья Гримм; Якоб Гримм.

SOKOLOVA E.V. Book review: Grimm J. Germanic mythology : in 3 vol. (In Russian translation).

Abstract. The Russian translation of «Germanic Mythology», a fundamental work of Jacob Grimm (1785–1863), is reviewed. The out-

¹ **Соколова Елизавета Всеволодовна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

standing German philologist and ethnographer had not only gathered pagan beliefs of Germanic tribes and presented them with encyclopedic completeness in his influential work, but also demonstrated how deeply they are concerned with the German language. The book had been published three times in the author's lifetime (1835, 1844, 1854), the most complete edition had come soon after his death (1875–1878). In 2018 it was translated into Russian for the first time (by D.S. Kolchigin) and published in a three-volume academic edition, supplied by the extensive commentary and reference apparatus.

Keywords: mythology; Germanic mythology; scandinavian mythology; history of German philology; folklore studies; the brothers Grimm; Jacob Grimm.

Для цитирования: Соколова Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 33–45. – Рец. на кн.: Гримм Я. Германская мифология : в 3 т. / пер., коммент. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – Т. 1. – 928 с. ; Т. 2. – 976 с. ; Т. 3. – 776 с. – (Studia philologica). – DOI: 10.31249/lit/2021.01.03

«Германская мифология» – повлиявший на несколько поколений европейских ученых (в первую очередь филологов и этнографов) фундаментальный труд старшего из знаменитых братьев Гримм, выдающегося немецкого языковеда и одного из сооснователей германской филологии как науки Якоба Гримма (1785–1863). Трехтомное академическое издание перевода «Германской мифологии» на русский язык увидело свет при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в 2018 г. и стало первым полным изданием этой работы Якоба Гримма в России. До настоящего времени «единственной частью книги, доступной на русском языке в академическом переводе» (т. 3, с. 515), оставался лишь фрагментарный перевод предисловия, выполненный в 1987 г. А.А. Гугниным и включенный в сборник «Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков»¹.

¹ Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков : Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – Москва : Изд-во Московского университета, 1987. – 510 с.

Рецензируемый перевод осуществлен Д.С. Колчигиным по наиболее полному немецкому изданию (1875–1878) без сокращений и купюр, включая огромное количество примеров на разных языках. Поскольку многоязычный цитируемый материал составлял едва ли не треть текста оригинального издания и был оставлен без перевода на немецкий как самим Якобом Гриммом, так и позднейшими издателями его труда, русскому переводчику пришлось иметь дело также с текстами на многих древних и новых языках, помимо немецкого.

«Германская мифология» задумывалась Якобом Гриммом как своего рода «грамматика мифологии» (1, с. 20). С нее берет начало мифологическая школа в фольклористике, для которой характерен отличный от традиционного подход, признающий в мифе живую часть народного языка, ядро традиции. Вдохновленный размышлениями романтиков, прежде всего работами Фридриха Шлегеля, Я. Гримм видел в мифе проявление глубинного творческого начала, источник «свежего и животворящего духа» (т. 1, с. 14), а вовсе не «детскую» сказку, рожденную «еще не» развитым в достаточной мере человеческим сознанием (как понимало миф Просвещение). Весьма вероятно, что именно осуществленный и закрепленный в этом труде революционный переворот в восприятии мифа, давший толчок взрывному развитию антропологии и породивший «целую волну этнографических исследований во всех соседствующих странах» (т. 1, с. 25), открыл дорогу и совершенно новым интерпретациям индивидуального и коллективного бессознательного, создав в конечном счете условия для возникновения именно в немецкоязычном мире психоанализа и направлений, его развивающих (З. Фрейд, К.Г. Юнг).

Как пишет во вступительной статье С.А. Ромашко («Как мифология стала германской» (т. 1, 7–23)), все началось, когда в 1802 г. Якоб Гримм, а годом позже и его брат Вильгельм, по семейной традиции «вынуждены были» поступить на юридический факультет университета города Марбурга, поскольку ни германской филологии, ни филологического факультета тогда не существовало. Там они были замечены и поддержаны молодым талантливым правоведом Фридрихом Карлом фон Савиньи (1779–1861), который стал их академическим наставником и ввел в круг романтиков.

Романтики Ахим фон Арним (1781–1842) и Клеменс Брентано (1778–1842) как раз в то время были поглощены работой над собранием немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (*Des Knaben Wunderhorn*, 1806–1808), и братья Гримм приняли живое участие в этой работе, хотя «метод Арнима и Брентано с самого начала вызывал у них возражения» (т. 1, с. 8). Потоптавшись какое-то время «на историческом распутье фольклористики и литературного творчества» на основе фольклора (т. 1, с. 9), они решились сделать шаг в сторону гуманитарного знания, поначалу по примеру романтиков издавая собственный журнал исследований германского фольклора «Древненемецкие леса» (*Altdeutsche Wälder herausgegeben durch die Brüder Grimm*, 1813). Затем в двухтомнике «Немецкие легенды»¹ (1816–1818) они пошли дальше, все более четко обозначая жанровые границы и демонстрируя внимательное отношение к источникам устного предания.

В конце 1810-х годов оба брата занимают должности библиотекарей в знакомом им с детства Касселе. В библиотеках тогда нередко находили приют ученые, чьи области интересов выпадали из круга признанных университетских дисциплин. Именно в Касселе начался так называемый «грамматический» период в жизни и творчестве Якоба Гримма: с 1819 г. он приступил к изданию «Немецкой грамматики»², которая стала «первой сравнительно-исторической грамматикой германских языков, и первым образцом исторической грамматики вообще» (т. 1, с. 9). Эту работу также считают его «позитивным ответом» (т. 1, с. 18) братьям Шлегель, которые в ряде публикаций начала XIX в. подчеркивали важность грамматики для исследований истории и генеалогии языка. И сейчас этот труд представляется «одним из краеугольных камней германистики как самостоятельной научной дисциплины» (т. 1, с. 19). К тому же, заявленный как «грамматика историческая», он вписался в одну из главных тенденций развития тогдашней науки вообще: науки, с азартом приступившей к исследова-

¹ Deutsche Sagen. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. – Berlin : In der Nicolaischen Verlagsbuchhandlung, 1816–1818. – 2 Bd.

² Grimm J. Deutsche Grammatik. – Göttingen : In der Dietrichschen Buchhandlung, 1819–1837. – 4 Bd.

нию не только человека, но и общества – в их становлении и развитии.

Работа над грамматикой заняла много лет: последняя часть увидела свет только в 1837 г., когда братья уже давно работали в Гёттингенском университете в королевстве Ганновер (ныне – Нижняя Саксония), незадолго до их драматического увольнения оттуда по политическим мотивам («Гёттингенская семерка» (т. 1, с. 11) университетских профессоров, включая братьев, выступила против отмены принятой в 1833 г. конституции ганноверским королем Карлом Августом).

Высланный за пределы королевства Якоб вернулся в Кассель, где продолжил научные занятия в качестве частного лица, и в 1835 г. увидело свет первое издание «Германской мифологии». Потом был переезд в Берлин, где братья провели последние годы жизни, работая преимущественно над «Немецким словарем»¹, представляющим собой первый в истории сравнительно-исторический словарь всех германских языков. Но и «Германская мифология» постепенно росла: в 1844 г. вышло второе, расширенное до двух томов, ее издание; в 1854 г. – третье, также в двух томах. Наиболее полное, четвертое, издание в трех томах выходило в Берлине в 1875–1878 гг. под редакцией Е.Х. Майера (E.H. Meyer) уже после смерти Якоба Гримма.

Как и другие романтики, Якоб Гримм отказывался понимать прогресс как поступательное линейное движение, считая ошибочным стремление оценивать прошлое человечества исходя из норм и ценностей более позднего времени. Он не был первым из немецких ученых, кто пытался руководствоваться подобными представлениями, но именно ему, как полагает С.А. Ромашко, удалось освободиться от многих присущих первопроходцам недостатков. Помимо Фридриха Шлегеля, который во вдохновенной «Речи о мифологии» (1800) отстаивал самоценность мифологии как особой формы проявления творческих сил человека, недоступной современному человеку в силу утраты «первоначальной целостности» (т. 1, с. 13), большое влияние на Якоба Гримма оказал ныне почти забытый филолог и литератор Иоганн Арнольд Канне (1773–1824),

¹ Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1854.

автор двухтомного труда «Первые свидетельства истории, или Всеобщая мифология»¹.

Помимо вопиющей иногда небрежности в рассуждениях, несомненно, связанной с «всеохватностью» его книги, у И.А. Канне были «позитивные моменты» (т. 1, с. 17), открывшие дорогу формированию нового методологического подхода к работе с мифологическими текстами. К таковым С.А. Ромашко относит признание самоценности мифа как отражения определенного ментального состояния человека; стремление реконструировать внутреннюю логику мифа; выявление тесной связи мифа и языка, поскольку в «языке вообще заключена идея первобытного мира», и потому «исследования языка и исследования мифологии никогда не разойдутся»² (цит. по: (т. 1, с. 17)). Главные недостатки его труда, в сущности, совпадают с выделенными Ф. Шлегелем слабыми местами собственных ранних публикаций братьев Гримм в «Древненемецких лесах»: смешение типологических и историко-генетических моментов в анализе древних источников, увлечение мифотворчеством и отсутствие четкой хронологии. Кроме того, Ф. Шлегель с большим скептицизмом воспринимал многие этимологические изыскания братьев Гримм, отказывая им в научности.

«Грамматический подход» к мифологии позволил преодолеть большую часть названных недостатков. Структура «Германской мифологии» энциклопедическая, материал в тематических главах подается с ориентацией на как можно более последовательное отражение филологических, исторических, фольклорных и поэтических аспектов дохристианских верований различных германских народов с привлечением огромного множества примеров. Все источники исторически и географически верифицированы. Как справедливо отмечает С.А. Ромашко, книга в целом не только утверждает ценность германской мифологии наряду с ценностью признанных ранее мифологических традиций, но и вносит существенный вклад в формирование национальной идеологии, вырастающей из национальной истории, истории национального языка и

¹ Kanne J.A. Erste Urkunden der Geschichte oder allgemeine Mythologie. Zwei Bände / Mit eine Vorrede von Jean Paul. – Baireuth : Bei Johann Andreas Lübecks Erben, 1808.

² Ibid. – S. 7.

национальной культуры в процессе выстраивания границ, с разных сторон очерчивающих национальное, отмечая, «где начинается, скажем, история немецкого языка, поскольку в ее истоках обнаруживается группа германских племен, говорящих на близкородственных языках-наречиях, ни одно из которых не может считаться собственно немецким» (т. 1, с. 22). При этом сам Якоб Гримм отчетливо ощущает «парадоксальную языковую зыбкость границ национального» (там же), осознает, что «определение какой-то линии, от которой начинает отсчитываться “собственно” немецкий язык, вряд ли может осуществляться по каким-то объективным признакам» (там же), и потому в собственной сознательной и целенаправленной работе по созданию национальной филологии вольно или невольно моделирует также европейскую, и не только европейскую, но филологию как таковую.

Собственно «Германская мифология» Якоба Гримма начинается с вводной первой главы, где кратко в исторической перспективе (с опорой на языковые следы) описано распространение христианства в Европе, постепенное вытеснение им языческих верований и связанных с ними сказаний, многие из которых были утрачены. Неполнота и недостаточная связность восстановленного материала мотивируют ученого, по его собственному признанию, «просто и честно собрать все, что осталось от язычества после того, как оно сначала было заброшено самими исповедовавшими его народами, а затем подверглось насмешкам и издевательствам со стороны христиан» (т. 1, с. 139).

Далее следуют 37 «понятийных» глав, и первая же из них называется «Бог». Оказывается, «во всех германских языках высшее существо единообразно звалось именем “Gott”» (т. 1, с. 149), этимология которого ясна не вполне, однако самое распространенное предположение о связи с прилагательным «gut» (хороший, благой) ученым отвергается, как и родство с названием народа готов, именовавшими себя «Gutans» (т. 1, с. 150). Приводя огромное количество примеров употребления слова «Gott» в древних языках и народной речи, Я. Гримм показывает, что многие из них могут быть связаны с языческими представлениями. В едином понятии он выявляет скрытую, а иногда и явную множественность (в частности, через распространенные грамматические формы). Иными словами, речь идет о богах, что и отражено в последующих главах:

«Почитание богов», «Святылища», «Жрецы» выявляют особенности культа у разных германских народов, а также многочисленные языковые следы вытеснения их христианством.

«Боги» вновь возвращают нас к вопросу о том, имеет ли смысл говорить о некоей «общности пантеона» у разных германских народов в древнейшие времена. Оказывается, да. Основываясь на языковом сходстве, «достаточном и решающем» (т. 1, с. 288), Я. Гримм приходит к выводу, что считать общегерманскими «уместно и почти необходимо» (т. 1, с. 289) скандинавских богов, культ которых сомнений уже не вызывает.

И потому следующие главы посвящены главным персонажам скандинавской мифологии, хорошо известным читателю (правда, часто под другими, хоть и созвучными, именами): «Вотан», он же Один, он же Гудан (высшее, верховное божество); «Донар», он же Тунар, он же Тор (бог грома и молний); «Цио», он же Тиус, он же, возможно, греческий Зевс (Zeus), или Зевс-отец=Юс-патер=Юпитер (интересно, что Я. Гримм выявляет и его ассоциации с Марсом, Аресом, богом войны); «Фро», он же Фрей (обобщенный «господин», у скандинавов по могуществу следующий после Одина и Тора), известный и как брат божественной Фрейи (их характеристики во многом схожи и даже взаимозаменяемы); «Пальтар», он же Бальдр, он же Бальдрс (возможно, готские балты производили свой род от него: (т. I, с. 463)).

Менее значительные боги представлены в главе «Другие боги»: Хеймдаль (светлейший из асов); Браги (связан с искусством, поэзией); Сатурн, он же Кродо (Хронос); ужасающий Эгир, он же Хлер (океан, море); Кари (ветер); Логи (огонь) и Локи (связанный с огнем великан, злодей-искуситель): расхождения и совмещения образов двух последних рассматриваются подробно.

Глава «Богини» начинается с замечания, что их (в отличие от богов, рассматривавшихся по отдельности), «как кажется, уместнее будет рассмотреть всех в целом, поскольку так лучше всего проявится та единая концепция, с которой связаны все представления о женских божествах» (т. 1, с. 499), которых мыслили странствующими и являющимися людям божественными матерями, давшими человечеству навыки домоводства и земледелия. Богини в основном были далеки от сражений, и их прекрасные и милорлюбивые образы сохранялись в предании особенно долго. Среди

богинь названы олицетворяющие землю – Ёрд, Ринд, Нерте, Гауэ. Подчеркивается, что у разных народов одни и те же традиции связываются с разными богинями.

Далее собраны и проанализированы «Свойства богов» (т. 1, с. 585–606). У всех без исключения народов боги мыслятся очеловеченными. На близости богов человеческой природе основаны представления о воплощении, богоявлении, разнополости богов, о возможности сочетания их браком со смертными, об обожествлении (включении некоторых людей в круг высших существ). Важное отличие язычества от христианства Я. Гримм видит в том, что древние народы не считали правление своих богов безграничным и безусловным – пусть боги живут существенно дольше людей, но и им приходит время умирать. К тому же их всеисилие ограничивается судьбой, стоящей надо всем; власть их, сколь бы долгой она ни была, также имеет временной предел, несмотря на то что по традиции их называли бессмертными и вечными. Их могущество зиждется прежде всего на том, что все дается им легко, без труда, в то время как удел смертных – тяжелая работа. И если люди растут и взрослеют медленно и постепенно, то боги обретают полную силу сразу после рождения (так, Вали, сын Одина и Ринд, рвется отомстить Хёду за смерть Бальдра сразу же после рождения).

Внешне боги выглядят как люди, только огромного роста. Боги веселы, ибо беззаботны: искра радости от них передается людям. Они ходят так же, как люди, только шагают гораздо шире и быстрее. У богов есть своя иерархия, есть язык. В «Старшей Эдде» целая песня посвящена сравнению языков – богов и людей, великанов, ванов, альвов и dwarves. Я. Гримм отмечает, что слова «боги» и «асы» используются как синонимы, в то время как «боги» и «всесильные» различаются по смыслу. В принципе, германцам (как и грекам) свойственно относить к «языку богов» слова неясные, двойственные, необычные. «Помимо языка, богов с людьми объединяют традиции: они любят песни и игры, находят удовольствие в охоте, войне и пирях; богини предпочитают пахать, ткать и прясть; и у богов, и у богинь есть слуги и посланники» (т. 1, с. 602).

Между богами и людьми стоят «Герои» (т. 1, с. 617–670). Я. Гримм отмечает, что чем древнее эпос, тем больше в нем воплощенных богов, но и самые древние тексты не обходятся без

героев – «смертных, приобщившихся к высшему, людей, в которых горит божественная искра» (т. 1, с. 617). Героями считаются люди, которые, совершая бессмертные подвиги в борьбе со злом, добиваются божественной славы. Обычно это человек наполовину божественного происхождения, т.е. полубог. Человеческое происхождение отличает героев от других мифических существ – эльфов, ангелов, великанов, также заполняющих пропасть между богами и человеком. Я. Гримм сравнивает героя с христианским святым, через страдания и духовную борьбу заслужившим место на небесах (т. 1, с. 618).

В главе «Вещие жены» (т. 1, с. 681–737) Я. Гримм исследует различия в божественности мужчин и женщин, в отношениях тех и других с богами. Славный род мог основать только мужчина-герой, поэтому родовые саги построены на именах героев, а королевские дочери в них либо вовсе безымянны, либо упоминаются как супруги героев. По этой же причине обожествление сыновей рода встречается, а дочерей – нет; от союзов между смертными и бессмертными рождаются почти исключительно сыновья. Тем не менее, в отличие от героев, многие из которых рано и напрасно погибали, некоторые женщины пользовались значительным и долговременным влиянием: «между богами и людьми посредничала целая группа прекрасных и устрашающих полубогинь – куда более влиятельных и почитаемых, чем герои» (т. 1, с. 681). Более того, женская «полубожественность» считалась более возвышенной и одухотворенной, чем мужская (герои). В германской мифологии, как и в некоторых других, среди божеств второго ранга преобладают женские (в то время как первый ряд занят почти исключительно мужскими). Определенную сложность вызывает разграничение богинь и полубогинь: «полноценной богиней», по Гримму, является жена бога, но есть и незамужние богини (например, Хель). А вот если женщина, не являясь ни женой, ни дочерью бога, находится в тесной взаимосвязи с высшими божествами, ее следует считать полубогиней, полагает ученый. Впрочем, такое разграничение можно провести не всегда, и именно из-за того, что полубогини стоят выше полубогов.

Я. Гримм вообще подчеркивает, что для германцев характерно почтительное и благоговейное отношение к женщинам (в которых всегда чттили мудрость). Не случайно добродетели (как,

впрочем, и пороки) в немецком языке олицетворяются женщинами. Граница между богинями и полубогинями размыта еще из-за того, что низшие божества, культ которых по какой-то причине разросся у отдельных племен, могли подниматься до высших. В целом задачи и функции полубогинь определяются их ролью служительниц по отношению к богам и вестниц по отношению к людям. Отсюда и другое название – «вещие жены»: скандинавские дисы (известны Веледа, Ганна, Ауриния), богини судьбы норны (чьи имена Я. Гримм этимологически возводит к глаголу *verda*, «становиться», – Урд и Верданди, – а также к вспомогательному глаголу *skula*, участвующему в образовании будущего времени – Скульд).

Далее в первом томе рассматриваются другие хотя бы отчасти божественные существа, заполняющие промежуток между богом и человеком («Вихты и эльфы» (т. 1, с. 737–816), «Великаны» (т. 1, с. 848–886)), а завершает том глава «Сотворение» (т. 1, с. 899–921), посвященная нюансам космогонического мифа у германских народов и мифу о сотворении человека. Излагая сюжет, Я. Гримм опирается в основном на скандинавские представления, считая такой подход легитимным, «поскольку сохранилось множество свидетельств тому, что у других германцев аналогичные мифы тоже бытовали» (т. 1, с. 899).

Вот кратко эти представления. До сотворения неба и земли была лишь великая бездна (*gar*) или даже «бездна бездн» (*gar ginnunga*), в пустотах которой существовали два противоположных полюса – *muspell* (огонь) на юге и *nifl* (туман) на севере. Первый (Муспельхейм) породил свет и тепло, второй (Нифльхейм) – тьму и холод. Посредине располагался источник Хвергельмир (*Hvergelmir*), из которого вытекало 12 рек; когда они сильно удалились от истока, содержащаяся в них частица огня застыла, и реки обратились недвижимым льдом. Однако, когда льда коснулся теплый ветер с юга, лед стал таять, капли воды ожили, и из них выросло первое существо – злой великан Имир (Эргельмир). Он уснул и вспотел во сне, и под его рукой выросли мужчина и женщина, а от ноги зародился шестиголовый сын, давший начало разным родам великанов.

Лед продолжал таять, божественная корова Аудумбла питала Имира четырьмя потоками молока, текущими из вымени; три

дня вылизывала она лед теплым своим языком, и извлекла на свет человека – большого, красивого, сильного – по имени Бури. Его сын Бёр, взяв в жены дочь великана Бёльторна Вестлу, породил троих сыновей – Одина, Вили и Ве. Они втроем убили Имира, из его крови сотворили море и воду, из его плоти – землю, из костей – горы, а из зубов и обломков костей – скалы и утесы. Из черепа создали небо, и закрепили на нем искры Муспельхейма, прежде свободно летавшие по звездному небу. Мозг Имира подбросили в воздух, и возникли тучи. В некоторых вариантах из волос были созданы деревья.

Покончив с этим, сыновья Бёра отправились на морской берег, где нашли два дерева, из которых создали двоих людей: Аска (Ask, ясень) и Эмблу (Embla, ива). Душой их наделил Один, умом и осязанием – Вили, а обликом, речью, зрением и слухом – Ве. Принципиальным отличием скандинавских представлений от других мифологий Я. Гримм называет то, что в них микрокосм является основой для сотворения макрокосма, в то время как в других системах, напротив, мир становится материалом для создания человека. Если у скандинавов (и германцев) вся природа предстает как разделенный на части первочеловек, то в противоположном (и более распространенном) варианте космологии человек собирается из элементов природы. Поэтому скандинавский вариант представляется ученому более древним (т. 1, с. 909). Глава содержит также развернутые сопоставления его с другими мифологическими системами, включая библейский миф.

Разобравшись в первом томе с божественным миром, сотворением человека и мира земного, автор «Германской мифологии» закономерно переходит к «земной перспективе». Во втором томе столь же системно излагаются мифологические представления о земных реалиях. Главы последовательно описывают свойства земного пространства и времени – «Стихии», «Деревья и животные», «Небо и звезды», «День и ночь», «Лето и зима», «Небо и земля», «Время и мир», с каждой главой при этом все яснее проявляется ключевое свойство этого мира – двойственность, соприсутствие противопоставленных полюсов (что видно даже на уровне названий глав).

Далее рассматривается жизнь человека в земном мире: «Души», «Смерть», «Судьба и благополучие», «Поэзия», «Призраки».

И эта жизнь, земная судьба, представляется зависящей напрямую от отношений, выстраиваемых человеком с божественным миром, высшими существами. Способы выстраивания таких отношений могут быть различны, но важное место среди них занимает колдовство. За главой под названием «Дьявол» следуют «Колдовство», «Суеверие», «Болезни» (как следствия ненадлежащих отношений) и «Травы и камни», «Заговоры и заклинания» (как согласованные с высшими силами способы лечения). Таким образом, земной мир с действующими в нем силами и законами, человек в зеркале трудностей и задач, с которыми сталкивается в своем земном бытии, с исчерпывающей полнотой освещены в основном корпусе текстов «Германской мифологии».

Третий том содержит приложения, включенные в четвертое немецкое издание. Среди них «Англосаксонские родословные», «Заклинания» и «Суеверия» (по источникам и народам; отдельно представлены шведские, датские, французские, эстонские и литовские суеверия).

Впечатляет справочный аппарат рецензируемого издания. Помимо того что каждая из 38 глав (внутри соответствующего тома) сопровождается обстоятельными авторскими примечаниями, издание замыкает обширный комментарий, составленный Д.С. Колчигиным (т. 3, с. 513–775), в котором подробно раскрываются многие не до конца проясненные моменты текста нередко в полемике с другими, иноязычными, издателями «Германской мифологии».

К тому же в русском издании впервые расшифровано множество ссылок немецкого филолога, который обращался к сотням источников, включая редкие и малоизвестные, причем по традиции XIX в. называл их чаще всего сокращенно. Полностью расшифрованный список использованных Я. Гриммом источников, упорядоченный по алфавиту (латиница), занимает в издании 270 страниц (т. 3, с. 243–512). Нет сомнений, что издание в целом потребовало от переводчика и научного редактора (Б.Ф. Успенский) кропотливой и серьезной исследовательской работы – помимо литературного перевода, за который Д.С. Колчигин заслуженно получил престижную международную «Переводческую премию Мерк» (в номинации «Научно-популярные издания») в 2020 г.